

ДЕВУШКИ В СЕРЫХ ШИНЕЛЯХ

Из записок военных лет

Ольга Тарахтий, ее подруги Лида Говяхова и Наташа Бахтиярова несли почту.

База находилась в сорока пяти километрах от места стоянки ППС. Сорок пять километров горной зимней дороги, где ни пройти, ни проехать. Уже много часов брели они, проваливаясь в талый снег, задыхаясь под тяжестью своего груза. Падали, вновь поднимались, уже плохо слушались ноги, но надо было идти.

Впереди шла Ольга. Две пачки газет лежали на ее плечах. Ольга, поминутно оглядываясь назад, подбадривала подруг. На подъемах, освобождая одно плечо, она протягивала свою маленькую коченевшую руку и тянула их за собой на крутизну.

Наташа еле держалась, а Лида совсем раскисла.

— Ну, Ольга, ну одну минутку — сквозь слезы говорила она, — я немножко посижу. Ты, пожалуйста, обо мне не беспокойся.

Ольге самой хотелось присесть, даже прилечь... Но она знала: где минута, там и другая. Нельзя поддаваться искушению. Вот Зуев и Бураков тоже, наверное, присели на минутку, а потом их нашли замерзшими.

— Не болтайте глупостей, Говяхова, — стараясь быть официальной, сухо выговаривала ей Ольга. — Ведь знаете, что этого нельзя делать, а просите.

Лида, всхлипывая, продолжала идти.

Ольга удивлялась покорности, с которой подруги выполняли ее приказания. Никто не назначал ее командиром. Все трое были рядовыми, но вот подруги сами выбрали ее вожакон, подчинялись ей. И то, что в ее власти была не только ее жизнь,

а и жизнь двух людей и судьба порученного им дела, вселяло в нее силы.

И Ольга шла, глотая слезы, скрывая от подруг собственные страдания.

— Ну, держись, Лида, — говорила Ольга, сбываясь с официального тона, — держись, милая, совсем немного осталось.

Если бы два года назад молодая учительница неполной средней школы Ольга Тарахтий прочитала бы рассказ, в котором герой переживала подобное, она расплакалась бы.

Теперь она шла, пренебрегая собственными муками, приговаривая:

— Ну, милочка, ну, еще немного. Вот балка, за ней — другая, а там — рукой подать до дому.

Не бесконечны и самые длинные дороги! Вот и заветная балка. Вот и их блиндаж...

Положив голову на подушку, Ольга вздремнула. Она видела родное селенце, звенящую рожь за околицей, темный дворик школы, тоже звеневший детворой, родной дом, родные поля, камни, травы, цветы — все, чем жила, чем гордилась, что составляло ее жизнь, ради которой стоило перенести все муки войны.

ПИСЬМО

Командир орудейного расчета старший сержант Савицкий не получал писем. Семья его жила в Гомеле.

Ольга Тарахтий знала этого пожилого нелюдимого человека. Не доверяя почтальону, он приходил в филиал ППС, чтобы

справиться о письмах лично. Но писем не было. Почтальон был ни при чем.

Шли дни, недели. Савицкий упрямо наведывался на почту.

— Ну? — коротко осведомлялся он.

— Нет пока, товарищ старший сержант, — отвечала Оля, досадуя, что не может порадовать его, как радуется многих других.

— А вы не тужите, Игорь Моисеевич, — пыталась утешить сержанта Оля, — может, семья еще на колесах, не дождала до нового места. А если даже не успела эвакуироваться, то не всех же убивают.

Оля знала, как смешны ее доводы. Ее самое терзали мысли о судьбе родителей, оставшихся у немцев. Она знала, как обращаются немцы с населением в оккупированных районах, тем более с евреями. Надо же было что-нибудь сказать затосковавшему человеку!

Но вот однажды, просматривая почту, пришедшую на целое соединение, Оля наткнулась на письмо, адресованное Савицкому.

— Наконец-то! — вырвалось у Оли, — а ну, откуда пишут?

Глянула: Казахстан.

Значит, жива семья Савицкого. Вот будет рад артиллерист. Оля на минуту прислушалась. За дверью хлестал дождь. Был уже второй час ночи. Сегодня опять из-за погоды почта запоздала. Военские почтальоны, так и не дождавись ее, ушли, придут только завтра в восемь часов утра. Поздно, поздно!

Оля поймала себя на том, что она уже одета.

— Куда ты собралась? — раздался из темного угла сонный голос Бахтияровой, ее подруги.

На цыпочках Оля вышла из блиндажа, осторожно прикрыв за собой дверь.

Командир орудейного расчета старший сержант Савицкий впустил в блиндаж промокшую до ниточки девушку.

— Это ты, Оля?

— Я, товарищ старший сержант.

Савицкий, ломая спички, зажег свечу.

— Я не ребенок, — пресекающимся от волнения голосом начал он, — я знаю, что привело тебя в такую темь и непогоду, — давай письмо.

— Товарищ Несмеянова, товарищ Несмеянова!

Таня с усилием раскрыла глаза. В землянке стоял ординарец генерала.

— Уже? — спросила Таня.

— Да, КП уже свялся.

— Я сейчас, — сказала она, вставая.

Таня собралась быстро. Все имущество филиала почти помещалось в брезентовую сумку и вещевом мешке. Перед уходом оставила записку почтальону Асратяну, доставлявшему почту на КП. — примерный свой адрес.

Это было время нашего зимнего наступления на Кавказе. Враг, отступая под ударами Советской Армии, взрывал за собой мосты, сжигал станицы, угонял людей, опустошал все на своем пути. Испытывая всю тя-

жесть войны, двигалась по дороге и почтальон Таня.

Пока бойцы вытесняли немцев из блиндажей, она, пригнувшись, ходила, высматривала, облюбовывала место для почты. А там — можете быть уверены: Асратян ее найдет. Он непременно притащится в этот же день, бывший студент Ереванского сельскохозяйственного института, смелый почтальон.

Вот и теперь, не успела Таня выбросить из блиндажа забытые немцами котелки и вонючее барахло, как в дверях показался Ашот Асратян.

— Ты? — удивилась Таня.

— Я. Не привидение же.

Худой, посиневший от холода, усталый, он втиснулся в узкий проход блиндажа, где, может, час назад были немцы. Тяжелый мешок с почтой грузно плюхнулся на пол. Таня и Ашот живо принялись за разборку.

Когда письма и газеты были отправлены и в холодном, неуютном блиндаже стало темно, Таня сказала:

— Ты как насчет ужина, Ашот?

— От шоколада откажусь, — весело отозвался Асратян, — а за кусок сухаря, как говорят русские, заложишь бы черту душу.

— Душу можешь мне не завлаживать, я не черт, — засмеялась Таня, — а сухарями поделиться могу.

Достав из вещевого мешка кусок сухаря, оставшийся от вчерашнего пайка, она разломала его на две половины.

— А шоколад оставлю себе, — снова засмеялась Таня, протянув ему одну половинку.

Они притихли, и в темноте было слышно, как на молодых зубах хрустел сухарь.

Леонид ГУРУНЦ.